

Бесись не бесись, а работать надо.

Смирившись с неизбежным, Чжао Цзи с головой зарылся в громоздящиеся перед ним горы докладов.

Впрочем, тоска быстро уступила место неподдельному азарту: среди скучной бюрократии внезапно обнаружился неиссякаемый источник веселья. Местные донесения порой граничили с чистым абсурдом.

Львиную долю этой бумажной горы составляли так называемые «прошения о здравии». Суть их сводилась к одному: «Батюшка-император, как драгоценное здоровьечко?» или «Желаю Его Величеству долгих лет!»

Особенно на этом поприще отличился некий чиновник Чэнь Нянь, правитель области Цинчжоу. Этот кудесник эпистолярного жанра умудрялся строчить бесконечные послания, ни разу не повторившись в излияниях преданности.

Например:

«За окном льет дождь, а думы мои — лишь о Вашем Величестве»

Или:

«Ах! Птицы поют в саду, и я умоляю их донести мою тоску до ушей императора»

И даже такое:

«Дождь не утихает вот уже вторую неделю. Неужто само Небо вняло моим безмолвным мольбам? О, этот ливень — точнейший образ моей нескончаемой, бурной любви к Вашему Величеству!»

Пикантность ситуации заключалась в том, что сам Чжао Цзи восседал на троне от силы вторые сутки. Бумажные завалы копились еще со времен болезни его покойного брата. Стало быть, все эти высокопарные вздохи предназначались усопшему правителю. Однако на самом дне стопки обнаружился свежий доклад от господина Чэня, датированный позавчерашним днем — то есть первым днем правления нового монарха. Слог остался прежним, пыл не угас: преданный слуга продолжал строчить многостраничные оды своей тоске, просто сменив адресата.

Этот Чэнь Нянь вел себя как расчетливый и бесстыдный соблазнитель. Еще утром он захлебывался слезами по прежнему государю, а едва тот испустил дух, без малейшей паузы принялся усердно облизывать филейные части нового владыки.

От подобного рвения Чжао Цзи ощутил лишь глухое раздражение.

"Лесть, конечно, штука приятная, — мрачно размышлял он, — но забивать почту этой чепухой и плодить мне лишнюю работу — это уже за гранью добра и зла, господин Чэнь"

На губах императора заиграла ласковая, почти плотоядная улыбка. Он занес кисть и с такой силой вывел на свитке размашистый круг, что острие едва не пропороло плотную бумагу. Опасаясь выдать себя чужим почерком, писать резолюции Чжао Цзи не рисковал, а потому вкладывал всю свою ярость в этот лаконичный жест, искренне надеясь мысленно проткнуть господина Чэня насквозь.

Выместив злобу, он вернулся к работе. Но чем дальше продвигалось чтение, тем мрачнее он становился. Никакие изыски придворных подхалимов больше не могли поднять ему настроение.

Впереди отчетливо замаячила перспектива бессрочной каторги. Привет, офисный ад с утра до ночи, без выходных и отпусков!

По правде говоря, работа Чжао Цзи отличалась монотонностью, а не сложностью. На пустые отписки он просто шлепал резолюцию «Прочитано». Доклады по существу откладывал в сторону для последующего разбора. Государственная машина империи Сун работала как часы: сначала все бумаги изучали в Двух палатах, готовили по ним решения и лишь затем несли на подпись государю. К тому же за спиной Чжао Цзи высилась фигура вдовствующей императрицы Сян, правившей из-за занавеса. Посади на трон хоть бездушный механизм для рисования кружков — и тот бы не сдал позиций.

Но объемы! Объемы этой макулатуры могли раздавить кого угодно.

Любой губернатор, помощник правителя или чиновник выше пятого ранга имел право напрямую писать императору. Доклады слались в среднем раз в два дня — то с поздравлениями, то с отчетами о местных делах. А поскольку на престол только-только взошел новый повелитель, каждый чинуша, не имевший возможности лично явиться во дворец с поклоном, спешил засвидетельствовать свое почтение на бумаге.

Добавьте к этому саму столицу: донесения от Шести министерств — доходов, чинов, ритуалов, армии и наказаний. Сюда же строчили ученые мужи из палат Вэньюань и Лунту, ведавшие науками и искусствами. И, разумеется, цензоры-иконоборцы, готовые высосать проблему из пальца, лишь бы лишний раз заявить о себе и кого-нибудь обличить.

И за всем этим безобразием должен был следить император. Нагрузка была поистине чудовищной. Если бы Чжао Цзи вздумал дотошно вчитываться в каждую строчку, ему не хватило бы времени от первых петухов до глубокой ночи, когда на улицах затихает последний собачий лай.

Конечно, будучи государем наполовину декоративным, Чжао Цзи почти не имел реальной власти. Серьезные решения принимались без него, и он вполне мог бы переложить все заботы на чужие плечи, став ленивым затворником.

Но если он хотел дожить до седых волос и умереть в своей постели, приходилось крутиться. Для новоиспеченного монарха эти бумаги были бесценным политическим капиталом. Даже в пустых отчетах о здравии — если отбросить бесконечный спам господина Чэня — при должном внимании можно было разглядеть истинное положение дел в стране, скрытые союзы и назревающие бунты.

А потому, как бы ни хотелось все бросить, Чжао Цзи не позволял себе расслабляться.

Спустя пару часов упорного труда он наконец вошел в колею. Работа спорилась, стопка таяла на глазах. Довольный своей продуктивностью, Чжао Цзи потянулся за самым последним свитком, развернул его... и наткнулся взглядом на до боли знакомый почерк. Это было пятнадцатое по счету послание от неутомимого Чэнь Няня.

Чжао Цзи мысленно взвыл.

Пятнадцать докладов! Пятнадцать свитков чистейшего, незамутненного подлизательства!

"Он вообще как свою должность получил? — недоумевал император. — За какие заслуги? Или его продвинули исключительно за феноменальную бесстыжесть и талант лизать пятки начальству? Неужели этот пустозвон не способен ни на что, кроме сопливых писем?"

Эта нелепая бумага стала последней каплей.

Терпение лопнуло. Сжав кулаки, Чжао Цзи пробежал глазами текст, убедился, что перед ним очередная порция приторной патоки, и в ярости швырнул свиток на пол.

Бумага покатилась по ковру. Чжао Цзи уже собирался разразиться отборной бранью, как вдруг его взгляд зацепился за расплывшийся иероглиф. Среди бесконечных узоров каллиграфии отчетливо выделялось слово «дождь». И рядом — еще какие-то знаки, явно указывающие на реальное происшествие.

Гневная тирада застряла у него в горле. Юный евнух, стоявший поодаль, немедленно истолковал жест господина по-своему: испугавшись монаршего гнева, он молниеносно скользнул вперед, подобрал злосчастный доклад и попытался потихоньку спрятать его с глаз долой.

— Стой! — окликнул его Чжао Цзи, возвращаясь к реальности.

Слуга так и замер на полпути, после чего с глухим стуком рухнул на колени, не смея

пошевелиться.

Чжао Цзи вздохнул. Перепуганный малый сжался в комок у его ног.

Понятное дело, бедняга дрожал от страха. Сам Чжао Цзи был самозванцем и жутко боялся разоблачения, а потому под благовидным предлогом спровадил всю прежнюю челядь покойного Ван Дуаня подальше в глубь дворца. Этого же евнуха прислали спешным порядком. Они толком не знали друг друга, и слуга, наслушавшись леденящих душу слухов о крутом нраве своего господина, теперь трясся так, словно его собирались сварить заживо.

Глядя на это дрожащее недоразумение, император мысленно закатил глаза, но сдержался. Напустив на себя максимально дружелюбный и мягкий вид, он негромко произнес:

— Подойди и дай его мне.

Евнух торопливо поднялся, засеменил к столу и, вновь опустившись на колени, протянул свиток. Чжао Цзи забрал бумагу и нетерпеливым жестом велел слуге убираться.

Сам он глупым идеалистом не был и устраивать сцены в духе «Ах, поднимитесь, мы все равны!» не собирался. В суровом феодальном мире за подобные вольнодумные бредни можно было запросто лишиться головы, а то и жизни. Так что чужую покорность он принимал как должное — шкура дороже мнимого благородства.

Он развернул свиток и снова вчитался в льстивые строки. И теперь, отбросив раздражение, уловил в них едва заметную, но тревожную деталь.

В голове мгновенно сложился пазл. Чтобы проверить свою догадку, Чжао Цзи лихорадочно перерыл стопку уже отложенных писем Чэнь Няня, сравнивая даты и формулировки.

Сомнений не оставалось. Он с силой хлопнул ладонью по столу и резко поднялся.

— Позовите... — Чжао Цзи осекся, лихорадочно сверяясь со списком ведомств на других докладах, и властно закончил: — Живо призовите к Нам министра общественных работ Сюнь Ли!

— Слушаюсь, Ваше Величество! — пропищал слуга и кубарем вылетел из кабинета, забавно перебирая короткими ножками.

Не прошло и получаса, как перед императором, не понимая, в чем провинился, уже преклонил колени растерянный министр общественных работ Сюнь Ли.

Швырять под нос сановнику любовные излияния провинциального подхалима Чжао Цзи,

конечно, не стал. Вместо этого он напустил на себя суровый вид и ледяным тоном спросил:

— В Цинчжоу уже больше двух недель бушует непрекращающийся ливень. Почему на Нашем столе до сих пор нет ни одного отчета о наводнении?

Сюнь Ли, которого выдернули прямо с рабочего места, по пути во дворец успел перебрать в уме сотню сценариев — вплоть до того, что взбалмошный монарх затеет очередную грандиозную стройку ради расширения своего гарема. Он уже заготовил дюжину деликатных отговорок, чтобы перевалить ответственность на другие ведомства, но вопрос о стихийном бедствии застал его врасплох.

Министр покрылся холодной испариной. В его голове, словно безумная карусель, крутилась лишь одна мысль: «Откуда Его Величество прознал про Цинчжоу?!»

Подобная осведомленность никак не вязалась с привычным образом Ван Дуаня. Все при дворе знали, что за птица этот бывший великий князь — праздный повеса, ненасытный бабник и гуляка, не пропускавший ни одной юбки. Его интересы никогда не простирались дальше каллиграфии, живописи, коллекционирования древностей, игры в цуцзуй и волокитства.

Когда этот бездельник взошел на трон, чиновники приуныли, но втайне вздохнули с облегчением. Приуныли потому, что бестолковый правитель неизбежно добавит подчиненным головной боли и заставит разгребать последствия своих глупостей. Облегчение же крылось в надежде, что при таком легкомысленном барине можно будет преспокойно бездельничать и красть казну, не опасаясь суровых кар.

Но реальность преподнесла сюрприз. С чего вдруг Его Величество сменил милость на гнев? Кто этот грозный владыка, учинивший ему допрос с пристрастием? Неужто перед ним действительно прежний изнеженный князь?

Сюнь Ли, дрожа всем телом, ловил каждое слово Чжао Цзи и отчетливо ощущал, как его придавливает к полу тяжелая, почти осязаемая аура истинного самодержца.

«Неужели император настолько страшен в гневе?» — панически думал министр, чувствуя, как капли пота катятся по лицу. Голова работала туго. Монарх правил всего день — откуда у него такие сведения? Неужто во дворце действует тайная сеть соглядатаев? Сюнь Ли лихорадочно перебирал в памяти свои прошлые грехи, гадая, не выказывал ли он когда-то неуважения к ветреному Ван Дуаню.

В конце концов его охватил благоговейный ужас. Этот правитель оказался куда опаснее, чем все думали. Все эти годы он просто искусно притворялся глупцом, усыпляя бдительность двора!

В углу тронного зала безмолвной тенью замер старый евнух, повидавший на своем веку трех императоров. Глядя на происходящее из-под полуприкрытых век, он мысленно пришел к тому

же выводу: Его Величество годами таил свою истинную силу.

А в самом эпицентре этой бури Чжао Цзи, мертвой хваткой вцепившись в подлокотники трона, изо всех сил старался говорить вкрадчиво и грозно, хотя в душе отчаянно паниковал.

"Ну как? Вышло убедительно? — гадал он, косясь на бледного министра. — Кажется, старик поверил..."

Он и понятия не имел, какую панику посеял в умах придворных. С той самой секунды, как он сел за бумаги, каждое его действие шло вразрез со всеми ожиданиями дворцовой камарильи. Давешний евнух, заикнувшийся о государственных делах, сделал это лишь ради соблюдения приличий, заранее дрожа от страха. Скажи ему Чжао Цзи простое: «Проваливай, не мешай отдыхать!» — несчастный слуга испарился бы в то же мгновение с великой радостью. Никто не мог вообразить, что новый император без лишних слов засядет за скучные государственные свитки.

Но Чжао Цзи мало волновали чужие домыслы. Сохраняя суровое выражение лица, он требовательно сверлил министра взглядом.

А Сюнь Ли попросту не знал, что сказать. Под его началом находились ведомства пахотных земель и лесного хозяйства, а тут еще властный канцлер Чжан Дунь замучил его требованиями немедленно перекроить границы казенных угодий вокруг столицы. Закрутившись в этой суеде, министр совершенно упустил из виду состояние плотин и речных каналов.

О дождях в Цинчжоу он, конечно, слышал, но донесения утверждали, что вода лишь слегка подтопила посевы, не причинив серьезного ущерба. Вот он и отмахнулся. Теперь же, под грозным взором повелителя, признаться в собственной халатности означало подписать себе приговор.

Запинаясь и бледнея, Сюнь Ли судорожно искал выход, пока его наконец не осенило:

— Ваше Величество! Нижайше прошу пощады, до меня действительно не доходили эти сведения! Все мои силы в последние дни уходили на исполнение личного указа канцлера Чжан Дуня, который велел отложить все дела и в кратчайшие сроки перераспределить пахотные земли близ Кайфэна...

«Чжан Дунь...» — Чжао Цзи медленно потер переносицу.

Дело принимало скверный оборот.